

АЛЕКСЕЙ ИВИН

Рецензистика

ТОМ 1

Алексей Ивин

Рецензистика. Том 1

«Издательские решения»

Ивин А.

Рецензистика. Том 1 / А. Ивин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831340-0

Собраны книжные рецензии 1978—2016 годов, опубликованные в бумажной периодике и в электронных журналах. Оценены сотни авторов и их произведений, сотни и даже тысячи других — упомянуты внутри рецензий. Мультиплицированное чтение, что-то вроде каталога с комментариями, вполне в духе новых информационных технологий. Рецензент почти везде выражался совершенно свободно и образно.

ISBN 978-5-44-831340-0

© Ивин А.
© Издательские решения

Содержание

1. Уроки истории (истоки и перспективы)	6
2. Сражался на Западе и на Востоке	8
3. Уроки земства	11
4. Хронограф	15
5. На берегах Днестра	16
6. Инкрустации. Заметки десять лет спустя	18
7. Чары и страсти	20
8. Доступность гениев	21
9. Когда говорят пушки	22
10. Искание правды	23
11. Сплавать по главной реке, войти в настоящий лес	24
12. Опыт семи возрастов	26
13. Соприродный феномен	27
14. Убитый за песню. По следам преступления	28
15. Вояж, вояж!	29
16. ВЧК глазами врага	30
17. От Адама	31
18. Крым как место отдыха	32
19. Через обиду и слезы	33
20. На русской службе	34
21. Не сдавайтесь в плен!	35
22. Зато мы делали ракеты	36
23. Типовой портрет	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рецензистика Том 1

Алексей Ивин

© Алексей Ивин, 2018

ISBN 978-5-4483-1340-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Уроки истории (истоки и перспективы)

Олег Финько, «Егорьевские были», библиотека ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», №44, 1983 г.

Можно много спорить, но от исходных истин никуда не уйти. А исходная истина в данном случае заключается в том, что есть два типа писателей. Одни из них пишут на основе самопознания, интроспекции, неустанно изучают себя, свой внутренний мир и законы внешнего мира выстраивают по аналогии с миром внутренним. Другие – открыты навстречу объективной действительности, их не слишком занимает собственное «я», зато чрезвычайно интересуют окружающие люди, их характеры, плоть жизни. Разумеется, это разделение целиком условно, и речь может идти лишь о преимущественной писательской установке: у Бунина не все проникнуто гармонией целостного чувственного восприятия, и у Достоевского не всё подвергнуто беспощадному мыслительному анализу.

Олега Финько можно с уверенностью отнести к писателям-«объективистам», склонным к панорамному, эпическому изображению действительности. Без большого труда угадываются литературные истоки его творчества, традиции, которые он продолжает, характерные черты «школы», которая уже пройдена, литературные пристрастия. Своеобразный жизнелюбивый стоицизм, свойственный, например, творчеству М.А.Шолохова, замечен и в первой книге Олега Финько.

В ней всё подчинено одной цели – созданию жизненной панорамы: композиция, при которой каждый рассказ идейно и сюжетно подчинен развитию общей темы; постоянные герои, судьбы которых прослеживаются и характеры которых типизируются на протяжении всей книги; точно определенное место действия – районный городок Егорьевск. И наконец, самый стиль повествования – последовательно обстоятельный, конструктивный, содержательно емкий, предметно изобразительный, динамичный. Динамичный потому, что герои действуют и взаимодействуют. Такая проза с удовольствием читается, особенно если она остро конфликтна. А надо сказать, что Олег Финько любит конфликт и его возможности, любит сталкивать героев, движимых взаимной любовью или ненавистью. Да и какой может быть мир в городе, оккупированном немцами? В душах людей, подвергнутых жесточайшему испытанию?

Безусловно, автор, а с ним и читатель, отдает предпочтение тем людям, которых сплотила общая беда, которые, как Генка или Нина Павловна в рассказе «Собачья смерть», сопротивляются расщепляющему воздействию оккупации; только благодаря этому неусыпному сопротивлению они способны сохранить целостность натур и веру, безмерное терпение, которое в конце концов – по закону количественных накоплений – переходит в ярость и месть. В то время как завоеватели морально деградируют, поработанные спланиваются для борьбы и изгоняют их. Таков неизбежный исход любого завоевания и подчинения, какими бы цивилизаторскими целями они не прикрывались. И в жизни Егорьевска, в судьбах его жителей отразились перипетии всенародной борьбы – попятное движение и отчаяние, момент равновесия, а затем наступление и победное торжество.

Но егорьевские были свидетельствуют не только о тех, кто выжил или с честью погиб, они свидетельствуют и о тех, кто не выдержал испытаний, душевно расщепился, погиб бесчестно. Иначе они не содержали бы всей правды о войне и жизни как она есть. Среди

жителей Егорьевска оказались и такие, которые преходящие, чуждые русскому человеку порядки вермахта приняли за вечные. Писатель молодой, но серьезный, Олег Финько исследует и этот тип людей – мимикрирующих, приспособляющихся, утративших веру в себя и в социальную справедливость. В рассказе «От щедрот своих» исследована парадоксальная ситуация: предательство по добродушию. Вера Чулина не способна возмущаться и ненавидеть; она любит и жалеет всех, без разбора; для нее все равны – любопытная черта! – все одинаковы, поэтому, когда советский госпиталь занимают немцы, она остается в нем работать; впрочем, не поэтому – по недоразумению. Она всё ищет любви и тепла, всё пытается обогреться, даже возле врагов. Возможно ли? Писатель отвечает: да, было и такое, и этот человек, мало того, что сам попадает в двусмысленное положение, – он, к тому же, наказан презрением с обеих сторон за то, что в нем не хватило нравственных сил – выбрать. А выбор неизбежен, не только на войне, но и в мирной жизни. Всегда.

Исследуя феномен двойничества, автор в последних рассказах затрагивает тему, слишком сложную для того, чтобы говорить о ней в короткой рецензии, но, на мой взгляд, как раз в этих рассказах он выходит на тот уровень обобщений, который дает основания судить о нем как о талантливом человеке. Потому что вряд ли можно считать простым совпадением возникающую подчас переключку между образами Игната Гумилева и, скажем, Григория Мелехова, Клим Самгина или распутинского Гуськова, – людей, обделенных любовью сограждан. Следовательно, наблюдаена и отображена определенная закономерность, связь...

В Егорьевске все друг друга знают: заштатный городок. После прочтения «Егорьевских былей» и у читателей возникает ощущение, что он встретился со старыми знакомыми. Впрочем, в том и состоит особенность художественного творчества – в неотразимом воздействии концентрированной жизни: ведь действительная жизнь, пожалуй, более буднична, разбавлена. Книгу закрываешь, во-первых, благодарный автору за прямую и честную прозу, а во-вторых, с легким сожалением, обращенным, может быть, не столько к нему, сколько в нашим общим надеждам и ожиданиям... Безусловно, повествование связано с современностью; безусловно, эти связи достаточно четко прослеживаются, все-таки... Все-таки есть ощущение известного самоограничения – историческим ли материалом или обстоятельствами, добровольно взятыми автором на себя... Потому что ближайшая современность, тот самый Генка, который в оккупированном Егорьевске клеил неумелые листовки, а теперь вырос, возмужал, – они ведь тоже ждут и даже требуют изображения. А изобразительные возможности, которые демонстрирует автор уже в первой своей книге, более чем достаточны, чтобы начать исследование современности, ее проблем, ее конфликтов. Уверен, что после успешного дебюта такое исследование будет предпринято Олегом Финько в следующих книгах.

А. ИВИН

(опубликовано в газ. «Московский литератор» за 1983 г.)

2. Сражался на Западе и на Востоке

Военные дороги **Анатолия Андреевича МОСКОТИНА** провели его из центра Азии, из Талды-Курганской области Казахстана, сперва к берегам Балтийского моря, а потом и к Охотскому, на озеро Ханка. Отец его был мастер на все руки: печник, плотник, бондарь, – и восемь человек детей; к тому же, прежде побывал на финской войне, и к началу Великой Отечественной у него имелась бронь. Для голодных и разутых детей здешняя жизнь показалась сытнее, в колхозе, где он работал по договору, а потом и у военкомата, для которого гнул военные брички (точнее, самые короба бричек, потому что ободья затягивали уже не в одиночку), он был человек необходимый.

Анатолий проявлял покладистость, пока не было известий от старшего брата Александра, который ушел, а точнее сбежал на войну добровольцем. Но вот от него было получено письмо, и в нем Саша учил Анатолия: «Если пойдешь в армию, иди только в разведку». Таким образом отец с матерью узнали, где их старший сын, а Анатолию запала мысль тоже уйти на фронт добровольцем.

Отец был человек полезный для военкома, но у начальника военного стола при сельсовете была разрядка, потому что молодые казахи разбежались по степи и призывать было некого (в 1943 году). Он прислал Анатолию повестку, мать напекла мешок подорожников, но в городе военком забраковал подростка: «Молод еще. Поди помогай отцу».

И так повторялось три раза. Анатолий Москотин был парень небольшого роста, но крепкий. И военком сдался, хотя и отец и сын были ему нужны внутри района. Прошел медицинскую комиссию, записали новобранцем, но повезли сперва мимо Алма-Аты на Дальний Восток, а уж оттуда – в Башкирию, в учебный лагерь Алкино-2. На дворе стоял уже 1944 год.

Парень стремился добровольцем на фронт, а его определили в земляной лагерь на двухъярусные нары учиться на младших командиров. Надо сказать, у Анатолия были основания: и характер боевой, и образование все-таки 6 классов – по тем временам достаточное.

Судьба и добрые военачальники, видно, оберегали зеленого юнца от напрасных ударов и испытаний, потому что, когда через какое-то время капитан Лапинский сформировал маршевую роту для отправки на фронт, младшего сержанта Москотина в списках опять не оказалось. «А я?» – спросил он у капитана. «А ты здесь будешь командовать отделением. Разве плохо?» – «Я убегу». – «Убежишь – поймем и расстреляем как дезертира» – «Какой же я дезертир, если я на фронт хочу, а вы не пускаете».

Воротясь в казармы, младший командный состав даже плакал с досады на начальство. Уговорила капитана его супруга, а то, может, так и не нюхал пороху. Отпустил.

Опять погрузились в вагоны и опять поехали – на сей раз уж точно на фронт. Третий Белорусский фронт, район Восточной Пруссии. Кенигсбергский укрепленный район.

От полка, который пополняли новобранцами, остались 63 человека. Командир полка подполковник Янбахтин, по национальности башкирец, сам среди вновь прибывших искал

разведчиков. Анатолий был самый молодой среди них, но определен командиром, потому что проходил обучение в специальном лагере. Договорились так: если нет начальства, он для них «сынок», если есть – «товарищ старший сержант».

Служба разведчика известна: группа захвата, группа обеспечения, группа прикрытия. Если нужны документы, глушат часового, врываются во вражеский блиндаж, хенде-хох, сгребают бумаги со стола, а напоследок – лимонку под стол.

Но если без шуток, под Кенигсбергом было много страшного, чего словами не расскажешь. Многометровые толстые стены цитадели, рвы, наполненные водой, а в конце осады – трупами наших солдат и взрывчаткой, которую они натаскали на своем горбу. Наши самолеты беспрерывно бомбили укрепления немцев, но из амбразур также беспрерывно поливали нас свинцом, и ни о каком штурме не могло быть и речи, пока не замолчат пулеметы. Армией, которая напирала на Кенигсберг с севера, командовал А.В.Василевский.

Там такая местность, на этом участке, что подобраться нет никакой возможности. Потому, должно быть, и называлась у немцев укрепрайоном. И Москотин подал своему непосредственному начальству, которое недоумевало, как же все-таки подавить огневые точки врага, отличную мысль: вывести на огневой рубеж наши «сорокапятки» и противотанковые ружья и одновременно выстрелить по амбразурам. Секрет был именно в прицельности стрельбы по этим щелям, потому что бомбежка с воздуха результатов не давала. И действительно, доты замолчали, Москотин стал на несколько дней известным человеком. По трупам, которыми были заполнены рвы, удалось подорвать стену, в проломы пошла пехота, а 11 апреля 1945 года город Кенигсберг был взят.

«С тех пор 11 апреля я каждый год отмечаю. Наравне с Днем Победы», – сказал Анатолий Андреевич.

После тяжелейшей осады Кенигсберга были Пилау, Бреслау и наконец Берлин.

Оттуда весь Второй Белорусский фронт погрузили в эшелоны и отправили домой. Но это они, воины-победители, думали, что домой. Часть, действительно, вернулась домой, а Анатолий Москотин с друзьями встречали день Победы на какой-то случайной сибирской станции, по пути на Дальний Восток.

Помните, он туда не доехал в 43 году? Вот, теперь поехал на самом деле – на Дальний Восток воевать против японцев и хунхузов. Вся Манчжурия и уссурийская тайга были наводнены оккупантами.

9 августа после мощной артподготовки (а она началась в полночь) к утру наши войска двинулись на укрепления японцев, но в дзотах уже не было ни одного самурая. Там тоже была бойня. Но уже скорее со стороны японцев. Они посадят своих солдат по вагонам, запрут их, а тут налетит наша авиация – и давай бомбить. Кровь текла из вагонов, как на скотобойне какой. В районе города Муданьцзян японцы оказали самое ожесточенное трехсуточное сопротивление, а потом война на китайской территории пошла на убыль. Наше подразделение шло до Харбина. Хороший город: чистый, красивый.

На этой войне, на японской, его и ранило: сапер дядя Ваня разминировал проход («фарватер», как говорилось тогда) и их предупреждал: «Смотрите, ребята!» – но разведчики

не убереглись: товарищу оторвало ногу, а Москотина ранило в позвоночник. Комиссовали по второй группе инвалидности, мало-помалу оклемался после медсанбата, а с 1949 года стал и работать. Старший брат Александр, который советовал в разведчики идти, вернулся с фронта тоже калекой...

Анатолий Андреевич Москотин хороший рассказчик, и некоторые его рассказы, причем из личного опыта, могли бы послужить основой увлекательного фильма. Он, например, рассказывал такую историю. На китайской территории, возле города Цзиси наш гарнизон трижды попадал в окружение. Те самые люди, с которыми разведчик воевал на западных рубежах, – командир полка Янбахтин, подполковник Гуть, подполковник Смирнов, – они участвовали и в этом наступлении. Однажды по тревоге были подняты и отправлены три автомашины с бойцами, а поскольку повторялись такие тревоги часто, комполка в суматохе рации на сей раз не взял. А дело к ночи. Машины въехали в котловину в окружении сопок, и со всех сопок, как осы на сладкое, на наших солдат устремились хунхузы. Связи нет. Комполка вызвал своего адъютанта и разведчика Москотина, экипировал их соответственно: гранаты, финки, автомат, – и сказал им: «Ребята! Доберитесь до гарнизона во что бы то ни стало и по тревоге поднимите его нам на выручку. Иначе нам не отбиться. Вдвоем вы проскочите!»

Смельчаки действительно перевалили сопку, но тут, уже в виду городских огней, лейтенанта ранило. Дальше Анатолий Москотин добирался один, оставив лейтенанту боеприпасы и бушлат. А мороз был довольно сильный, и лежал слой снега. Но добежал-таки до блиндажа, где сидели командиры полка... 10 танков, «катюши», гарнизонные солдаты – все были подняты по тревоге в ружье и брошены на выручку наших солдат, попавших в западню. И все-таки 17 человек в тот день положили. Жертвы могли бы быть больше, но подполковник Янбахтин догадался отвести машины и солдат за сопку, и пока «катюши» и танки утюжили хунхузов, наши укрывались за перевалом.

Окончание этой истории трогательно, но вместе с тем правдоподобно: командир полка, когда закончилась эта ночная заваруха, были сочтены жертвы и состоялось торжественное построение полка, вызвал перед строем старшего сержанта Анатолия Москотина, поцеловал его, от лица всего полка поблагодарил за безупречную службу, снял со своей груди орден Красного Знамени и прикрепил на гимнастерку Москотина. Естественно, что никаких именных документов на эту награду у Анатолия Андреевича не оказалось. Но сам факт, сам жест и атмосфера тех лет (кто-то скажет – энтузиастическая, а кто-то – демагогическая) – очень хорошо в этом эпизоде высвечены. Военачальники любили подчас подчеркивать приоритет солдатской службы (что не мешало режиму обрушивать на народ тяжелые репрессии).

Алексей ИВИН
(очерк не публиковался)

3. Уроки земства

Говорят, новое – это хорошо забытое старое. В связи с нынешними проблемами местного самоуправления поучительно, например, заглянуть в историю пореформенной России, когда после освобождения крестьян начали поговаривать – и кое-что делать – для улучшения жизни на местах. Потому что власть тогда, как и сейчас, обнаруживала больше рвения к устройению собственных дел, нежели общественных.

До реформы 1861 года все органы местного самоуправления носили сословный характер. По освобождении крестьян появилась потребность в органе, который бы занимался оживившимися местными нуждами. 1 января 1864 года было опубликовано «положение о губернских и уездных земских учреждениях». Согласно ему, помимо дворянского собрания – официальной тогдашней власти – создавался новый орган самоуправления – уездное земское собрание, сроком на три года. Представительствовали в нем: 1) местные землевладельцы; 2) крестьянские общества, выдвинутые из крестьян; 3) горожане (купцы, фабриканты, мещане). Руководил всем этим делом, конечно же, уездный предводитель дворянства, который опасался, как бы из-за демократизации не пошатнулись его твердыни. Уездное земское собрание, в свою очередь, избирало земскую управу (председателя и 6 членов; членов могло быть и меньше) и «земских гласных».

Этот экскурс в историю нам нужен, чтобы в условиях нынешнего движения за территориальное самоуправление не изобретать велосипед, а может, кое-что и позаимствовать из прошлого.

Вот что было в компетенции земства: собирать деньги на местные нужды, заведовать земским имуществом и капиталом; смотреть за дорогами; надзирать за «мерами обеспечения народного продовольствия»; развивать местную торговлю и промышленность; заниматься благотворительностью, то есть богадельнями и т.п.; взаимное страхование имущества; «попечение о народном образовании»; «попечение о народном здравии»; меры по охране скота от падежа и болезней; содействие воинским и гражданским властям в их предприятиях; обращение непосредственно к государю и в Сенат о местных пользах и нуждах.

Вы спросите, а что же в таком случае делало дворянское собрание, законная власть? А вот в том-то и дело, что по этому либеральному закону оно фактически оказывалось устраненным от управления вотчинами, разве что пыталось выгородить помещиков в их тяжбах с обнаглевшими крестьянами да держало связь с губернией и столицей. То есть, вся полнота власти сосредотачивалась в руках этой низовой организации. По крайней мере, таков был благородный замысел Царя-Освободителя. Но поскольку курировали этот орган местного самоуправления помещики и дворяне, проживавшие в губернских городах и столицах, во всяком случае, в зимнее время, то и выдвигали они в земское собрание своих надежных людей.

Но как говорил незабвенный Виктор Степанович Черномырдин, «думали сделать как лучше, а получилось как всегда». Он-то говорил применительно к своему правительству, ваучеризации, приватизации и прочим либеральным веяниям. Но оказывается, что и в XIX веке этот закон срабатывал. Потому что уже в 1870 году помещики и богатые люди стали выражать недовольство активностью низов. На что, думаете, тогда ссылались? На то же

самое. На то, что дублируются полномочия: мол, земцы стремятся отнять наши права, наши функции, отменяют или повторяют наши указы и распоряжения. Как поется в другой песне другого незабвенного человека – Б.Ш.Окуджавы, «а пряников мятных всегда не хватает на всех». Местная власть, вынужденная делить один пирог с земством, понятно, запротестовала.

В результате в 1890 году состоялась контрреформа. Большинство прав, провозглашенных в 1861—1864 годах, были у земства отняты в пользу местных администраций. И это притом, что губернаторы и министерство внутренних дел и прежде имели право отменять решения земских собраний.

Так что вся деятельность низовых организаций (органов территориального самоуправления, по-нашему) свелась к организации и управлению народным здравоохранением и народным образованием. А в XX веке начала развиваться также и земская агрономия. То есть, врач, учитель, агроном – вот три представителя народа, точнее, разночинной интеллигенции, которых, можно сказать, выпестовало российское земство.

А теперь взгляните на тот список компетенций, который приведен выше. Много ли осталось? Только известные нам по художественной прозе, чеховские, вересаевские, булгаковские земские врачи, учителя, мелкие землевладельцы, участники «хождения в народ».

И, тем не менее, к 1914 году земские собрания, управы, гласные действовали в 43 губерниях России. И польза, хозяйственная, законотворческая, просветительская, от земских организаций была огромна. Коллективные адреса императору, ходатайства перед правительством, проведение нелегальных собраний и съездов, издание за границей брошюр и статей. Словом, земство очень много сделало для развития в России демократических свобод. Хотя собрания и союзы при автократическом правлении были запрещены, со временем все же возникли «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», из которых в период революции 1905—1907 годов созданы были партия октябристов и партия кадетов. А как известно из истории, эти партии составили достойную конкуренцию большевикам в борьбе за власть в период между двумя революциями.

Вы спросите, а что же в Киржаче в этот период – с 1864 по 1917? Как потрудились наши местные земцы, кто они, какой след оставили?

Кое-что в местных архивах удалось найти.

В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» в разделе по Владимирской губернии вот что говорится о Киржаче по состоянию на 1854 год. Заштатный город Киржач имел казенных каменных домов 31, деревянных 14, общественных каменных 30, деревянных не имел, частных каменных не имел, а частных деревянных – 255. В черте города было свыше 83 десятин обработанной земли, еще 2087 занимали выгоны и пастбища, функционировал один-единственный (и то с 1865 года) медно-латунный завод, занимавший 9 десятин и принадлежавший московской помещице. Городской доход (надо думать, годовой) составлял 1056 рублей 91 копейку серебром. Правда, завод производил продукцию на 88 с половиной тысяч рублей, но только делилась ли с городской казной своим доходом помещица? «Ни больниц, ни других благотворительных заведений нет», сообщает обозрение; зато имелись трактир, два винных погреба, два питейных дома. Нисколько не меньше, чем теперь.

Вот с таким наследством столкнулись киржачские земцы, когда им разрешено было проявить инициативу. Надо отметить, впрочем, что в Киржаче ежегодно проводились пять ярмарок, соотнесенных с пятью религиозными праздниками, – Благовещенская, Троицкая. Спасская, Крещенская и Сергиевская, и большие денежные поступления в местную казну были, очевидно, с них. 17 ноября 1893 года была пущена ветка Московско-Ярославской железной дороги от ст. Карабаново до ст. Киржач. Новый импульс цивилизации городу, в котором проживало одних только купцов 75, был дан.

Однако если вы думаете, что земцы к тому времени, то есть к 1893 году, обладали большой силой или даже свалили местную администрацию, то вы заблуждаетесь. В городской управе в то время заседал городской голова Карабанов Алексей Дмитриевич (сходство фамилии мэра с соседним городом, надо думать, было не совсем случайным, хотя понятно, что город возник и был назван прежде, чем появился в Киржаче голова с такой фамилией). Ситуация для киржачских земцев благоприятствовала в том смысле, что А.Д.Карабанов происходил из купеческого сословия, а дворянином не был. И его люди, заседавшие в управе. В местных учебных заведениях (Селивановское приходское училище, например, опекал опять-таки купец – М. Я. Деревщиков), в страховой конторе, у благочинного, в монастыре, на почте, были вполне ему подотчетны. Сословный характер власти, несмотря на крестьянскую реформу и проповеди социалистов, сохранялся. И борьба с земством к тому времени, судя по статистическим отчетам 1895 года, носила уже необратимый характер. Можно даже сказать, после революции наступила реакция.

Во всяком случае, ненавистное слово «земский» в официальной отчетности городской управы было упомянуто лишь раз: когда речь зашла о больницах. Меня особенно умилил тот факт, что почтой и телеграфом заправлял коллежский асессор Гревский С. Г., податной инспекцией (то есть сбором налогов) – титулярный советник Любский С. Е., врачом при фабриках состоял (и вероятно, пользовал самого Карабанова) врач и надворный советник Никольский И. П.... а земской больницей заведовал «не имеющий чина» Серей Дмитрич Банин. Не дослужился, бедняга. Вот он-то, вместе с акушеркой А.Ф.Поспеловой и фельдшером В.С.Еловым, и был одним из немногих представителей земства в Киржаче. Купцы, священники и судейские крючки кормились от общественного пирога, а эти бескорыстно или за малую мзду лечили крестьян и мещан. И дела их, зафиксированные в местной истории, были на первый взгляд маленькие и незаметные: о переводе киржачского земского фельдшера в Финеево, об открытии фельдшерского пункта в Овчининской волости, об уточнении сметы за лечение в земских больницах, об учреждении двух новых врачебных пунктов, о бесплатном отпуске лекарств для бедных...

Много ли украдешь, если служишь бедным? Вот точь-в-точь, как и ныне: на культуру, здравоохранение и образование – сколько останется денег, а московским дачникам, коммерсантам с юга и сомнительным прохиндеям – наше почтение.

Так какие же выводы можно сделать из уроков прошлого? Из того, например, каким мыслилось и во что выродилось земство? Потому что нынешнее территориальное самоуправление, движение партий и предпринимателей хотя еще только зарождается, а уже в условиях ничуть не лучших, чем земство в 1893 году.

Чтобы деятельность органов местного самоуправления не ограничивалась обочиной гражданской жизни (починить рухнувший забор, вырыть колодец поможет и ЖЭК, крытую

автобусную остановку установит и автоинспекция), нужно использовать всю полноту конституционных прав и свобод. А они на местном уровне достигаются объединением демократических сил, заинтересованных в процветании Киржача, и во-вторых, настойчивой секуляризацией власти. Потому что монополия на власть, а тем более закрытость ее распоряжений препятствуют развитию демократии на местах.

Алексей ИВИН
(очерк не публиковался)

4. Хронограф

Коломенский альманах: Литературный ежегодник. – Вып.9. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2005. – 480 с., ил, тир. 1000 экз.

Редкий случай: провинциальное издание продолжает выходить, помещает почти исключительно патриотичные материалы и с каждым выпуском становится интереснее. И это при том, что большинство статей прочно привязаны к местной истории, сиречь к краеведению. Правда, как и в случае со знаменитым тарусским альманахом, общественно значимым его делают все же ангажированные авторы и мощная редколлегия, а реальным – помощь спонсоров-коломенцев.

В этом выпуске. В связи с 60-летием Победы, альманах открывается сильными военными рассказами В. Астафьева, М. Маношкина и В. Ковалева, а продолжается не менее замечательными небольшими повестями Виктора Мельникова, редактора альманаха, и С. Малицкого. Из трагедийной военной истории переброшен мост к абсурдной современности. Как в немецком тылу пытали жаждой или как штрафники брали укрепленную высоту – это не менее исторично и страшно, чем наступать дважды на одни и те же грабли, как делает герой Мельникова, или умирать одному в пустой деревне, как старик Малицкого.

Но это – художественная ткань сборника. Когда же последующие авторы обращаются к историографии – возвышению Московского княжества и его борьбе с Ордой, – народолюбие издания становится очевидно. Исторические работы А. Мазурова о Куликовской битве, И. Князького – о взаимоотношениях с распадающейся Ордой, увлекательное расследование Вадима Дементьева или «сердечный» рассказ И. Ракши «Коломенская невеста» – о первых годах Михайло Романова на царстве – возбуждают здоровый читательский интерес именно к этому месту Московского княжества, к Коломне. Не только князьки и святители, но и холопы заслуживают нашего внимания; все они повязаны временем и им отодвинуты в прошлое; это и есть цивилизация в действии, отечественная история.

Особо выделяется в сборнике большое эссе Вл. Бондаренко, касающееся жизни и творчества И. Бродского. Здесь известный критик, что называется, расписался вовсю, явив лучшие черты своего стиля: честность, прямоту, искренний интерес к талантливым людям, ум и горячие национальные чувства. Стоит ли еврея делать русским гением? Да вот, оказывается, стоит, потому что в искусстве, как и в религии, нет ни эллина, ни иудея. Бродский в архангельской ссылке и в своем чувстве к Басмановой одухотворен как-то очень уж по-русски, но ведь он и впрямь хорошо выразил свои чувства русским языком, – разве не так?

Архитектору М. Ф. Казакову и художнику А.В.Куприну (родственнику писателя) посвящены два других очерка. Вообще, составлен сборник продуманно и полно – должно быть, потому, что он – ежегодник.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

5. На берегах Днестра Приднестровье. XX век: Сборник/ составитель Р. Р. Кожухаров, художник Ю.И..Салко. – Тирасполь, 2005. – 336 с., ил.

Приднестровская молдавская республика образовалась уже лет пятнадцать назад, одновременно с некоторыми другими государствами на территории бывшего СССР. Не время и не место сейчас выяснять, почему в отличие от других государственных образований это, расположенное в бассейне Днестра, на стыке и на границе Молдавии и Украины, так и не получило официального признания. Автор предисловия, по-моему, вполне убедительно указывает на геополитические особенности Приднестровья как места, где пересекаются две координаты – романского и славянского мира. Заложенная графом Суворовым-Рымникским, Тираспольская крепость стала южным форпостом пышной екатерининской эпохи.

Важно другое: эта республика существует, имеет многовековую историю, уже новую, пятнадцатилетнюю, в составе СНГ и, естественно, свое искусство, свою литературу. Главной целью составителя было «представить авторов, чья жизнь и судьба не только переплелись с приднестровской землей кровными узами родства или фактами биографии, но чье творчество повлияло на становление духовного пространства Приднестровья и Новороссии». В сборнике в разделе «Литература» опубликованы стихи и рассказы 57 авторов, в искусствоведческом разделе – статьи еще шестерых, которые касаются живописи, монументалистики и театра. Таким образом, представлен весь XX век, дана некая убедительная дополнительная литературно-художественная заявка на признание государственности.

Естественно, взоры многих авторов обращены в прошлое. О судьбе Сергея Александровича Пушкина, который так же, как и сам поэт, был связан с Молдавией и Тирасполем, рассказывает в своем исследовании «Навеки корнет» Владимир Полушин в главе из своей книги: потомок поэта покончил жизнь самоубийством из-за трагической любви. А открывают сборник революционные стихи известного имажиниста Владимира Нарбута. Любопытна в художественном отношении проза двух болгарских представителей местной диаспоры – Георгия Стаматова и Думитру Милева. Образцы лирики Константина Кошэрэу, Галины Гурски. Леонида Корняну. Петря Дариенко и Николае Пуркану даны на молдавском языке, без перевода. Не думаю, что таким образом удалось явить национальные особенности поэтов, но можно понять и положение составителя.

Но дальше, когда пришлось представлять на страницах уже наших современников, авторов, рожденных в 1950—1970-х годах, дело пошло хуже. Может быть, следовало отбирать не самую патриотичную лирику, а самую художественную? Мы не знаем. Но вот, например, лирика Анатолия Якубенко, который в биографической справке представлен – по фактам жизни и поведению – как местный Франсуа Вийон, заявленными стихами отнюдь не соответствует этому чину. Невыразительно и то, что представлено под именем «богемного» Константина Семеновского, широко известного на Украине и за рубежом Петра Крученюка, Анатолия Дрожджина, Леонида Литвиненко и других.

Разумеется, по двум-трем стихотворениям, по отрывкам из романов трудно составить полное представление, и на это приходится делать скидку. Но ведь и в таком малом объеме лира, если она оригинальна, фальшивого звука не исторгнет и читателю запомнится. В этом смысле легко узнаваемы духовные, полные религиозного чувства стихи Сергея Багнюка, изящная ритмика Юрия Самуся, неправильная, но очень образная, горячая, горячая поэтическая речь Олега Юзифовича (год рождения 1961), который проживает, кстати, в Москве:

*Из ласки потоки-реки
восторгом строятся мостки
туда, где ждут-живут вьюнки
плестись в венки. («Июнь»)*

Хорошее впечатление производит одно стихотворение Николая Фридмана и рассказ Инны Ткаченко – из серии невыдуманных историй: о том, как у жадной, увлекшейся торговли на рынке украли ее собственного ребенка. Что касается остальных авторов, то они, в большинстве уже располагающие своими сборниками, производят спокойное впечатление: стихи и стихи, проза и проза, есть самые злободневные приметы времени.

Эх, господа, не надо составлять по злободневности: реку по пене не определяют!

Особо хочется сказать о том, что и в рамках скромного сборника впечатляет как подлинное искусство. Я говорю прежде всего о стихах Ореста Высотского (1913—1992), который являлся сыном поэта Н.С.Гумилева, и художниках Владимире Иванове и Александре Фойницком.

Об Оресте Высотском известно гораздо меньше, чем о другом сыне Н.С.Гумилева – Льве. Но, видно, талант может передаваться и через гены. Орест Николаевич родился в Москве, закончил лесотехническую академию, жил и работал в Тирасполе, печатался в периодике, в молдавских и приднестровских литературных сборниках. Суровые, мрачные, торжественные строфы резко контрастируют с настроениями той эпохи. Невольно думаешь: если он так чувствовал, то как же он жил?

*Мы рвемся, точно пленные орлы,
Через законы физики Ньютона
Туда, в непостижимый простор,
Где нету сил земного притяженья
И где среди больших-больших озер
Нас ждет действительное пробуждение.*

Это из стихотворенья «Мелькают зданья, фонари, мосты» с посвящением сводному брату Льву.

Хороши воспроизведенные в приложении иллюстрации с картин А. Фойницкого – прозрачные, текущие, как бы омытые дождем акварели «Тирасполь. Покровская улица» и «Комната художника». Новые – 2004 года – фотографические работы В. Иванова, холсты Михаила Руденко и Виктора Радованова воспевают красоту этого южного края.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

6. Инкрустации. Заметки десять лет спустя

Десять лет назад во Владимире вышла эта книга – «Узкий круг» Вадима Забабашкина. Самолюбие критика было уязвлено: не мог я определить эти стихи. Не мог – и всё. Что это? С одной стороны, сатира, ирония, есть посвящения И. Иртеньеву и, следовательно, налицо направление – школа иронистов. И тогда об этом надо иронически же и писать. Вроде этого: «Узок круг революционеров-декабристов, страшно далеки они от народа». С другой стороны: хотя ирония, юмор, сатира – основной фон этой небольшой книжки, к тому, что пишут в «Крокодил», на 16 полоску «Литературной газеты» или даже в журнал «Магазин» Жванецкого, э т о никак не сведешь. Потому что это поэзия, а там, в общем, зубоскальство.

И вот я над феноменом Вадима Забабашкина бился несколько месяцев. А когда меня чем-нибудь озадачат, я пытаюсь докопаться до сути.

*Хотя весна вокруг кипела,
Семенов шел с работы хмурый.
Лежал бычок, почти что белый,
У свежевыкрашенной урны*

В этом стихотворении, как и в некоторых других, читатель представляет одно, а ему исподволь готовят подмену. Я так и видел мирное животное – белого бычка, который жвачит себе посередь дороги, не обращая внимания на машины. Так и представлял до конца стихотворения, пока не оказалось, что речь идет вообще об окурке и желании покурить. В нем и всего-то 12 строк, а я смеялся до упаду. Не потому, что обыгрываются семантические омонимы. А потому, что д а н о б р а з – образ типичного затюканного горожанина. Здесь сошлись какие-то такие смыслы, что не перескажешь. А интонация сугубо серьезная и проникновенно лирическая.

Не часто встретишь вместе столь тонкий замысел и столь четкое исполнение. Рассчитано всё до запятой, ни слова не сказано впусте. Я не слышал, как читает Вадим Забабашкин свои стихи с эстрады, но при чтении с листа это впечатляет. После многих сальностей, грубостей, пошлятины, свойственных часто тем же иронистам или куртуазным маньеристам, эти стихи воспринимаются как некое утонченное блюдо. Действительно: для «узкого круга», для избранных. И вместе с тем сделано вроде из пустяков, из обыденщины, в которой не должно бы быть ни грана поэзии. А вот поди ж ты!

Суждение произносится нами из опыта для самоопределения и ориентации в мире. От того, что мы разные, еще не следует, что мы выделяемся из ряда. Важно еще быть отличным, своеобразным. Этого качества у поэта Вадима Забабашкина – хоть отбавляй. Он и сдержанный, и лукавый, и едкий; и вместе с тем его не уложишь в систему и не пристегнешь к направлению.

Жаль, что издается редко. Потому что мы теперь богатые, живем в обществе потребления, можем позволить себе гурманство.

В книге много прекрасных стихотворений. И если впечатление от них не самое прочное, зато это тот случай, когда спустя время опять хочется взять книгу и перечитать некоторые: уж очень они остроумны.

По-моему, это инкрустации. Или даже гротески (причудливая архитектурная лепнина). Только я не уверен в терминах: оба из других искусств. Говорю же, не могу определить музу В. Забабашкина.

Алексей ИВИН

(опубликовано на www.proza.ru)

7. Чары и страсти
Амфитеатров А. В. Собрание сочинений:
В 10 томах. Том 1. Романы/ сост., вступ.
статья, примеч. Т.Ф.Прокопова. – М:
«Интелвак», 2000. – 848 с., тир. 3000 экз.

Вот и вышли в свет первые два тома из собрания сочинений еще одного корифея Серебряного века – Александра Валентиновича Амфитеатрова. Продолжая традиции Лескова и Гончарова, то есть, исследуя тип и характер, он не в пример им острее закручивал сюжет и потому, должно быть, был одним из самых читаемых романистов. Его романы, особенно поздние (тетралогия «Зверь из беды», «Лиляша») именно сделаны – усидчиво, с привлечением обширного материала по теме. И если сравнивать, например, романистику поздней античности и европейского, в частности, русского декаданса, то Амфитеатрову вполне подходит определение: «компилятор». Как Аполлодор, как Петроний.

Он сочинял свои необыкновенно увлекательные, хотя и беглые романы, проштудировав предварительно всю литературу по теме: если о римских сановных интриганах – то римскую, если об узаконенном и утонченном проституировании светских дам, то придворную и светскую («Мария Лусьева». «Марья Лусьева за границей»). Глубокая эрудиция и серьезный тон делали его прозу еще и познавательной, а это уже немало. Проигрывая в теплоте и субъективности оценок своим приятелям – Горькому, Леониду Андрееву, Бунину, он безусловно выигрывал у них в эпике и разнообразии тем.

У беллетриста Амфитеатрова много симпатичных черт: он благороден без опрошения, не натуралистичен и не груб, даже если описывает радения хлыстов. И что самое чарующее, совершенно аполитичен; во всяком случае, в этих двух томах – ни одного суждения о политике, только прекрасная словесность. И, разумеется, по силе темперамента, стилистическому изяществу и вдохновению он превосходит демократических литераторов, которые писали о том же (например, Сологуба с его передоношницей и навьими чарами).

Говорят, бумага офсет №1, на которой ныне издают, не желтеет двести лет. Как раз тот срок, пока Амфитеатров будет интересен не только специалистам.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

8. Доступность гениев
Иза Красикова. Пророк и Сивилла (Пушкин
и Цветаева). Политеизм Пушкина и Цветаевой
как необходимость их творческой свободы:
художественно-исследовательское
эссе. – М: РИФ «Рой», 2004. – 184 с., ил.

Откуда берется и чем обусловлена пророческая способность в большом поэте – проблема вроде бы узкая. Будучи крещен и приняв христианскую кончину, Пушкин все же обладал развитым дионисийским и аполлоническим началом, а в отрицании. Случалось, заходил даже дальше своих учителей – легкомысленных французов Вольтера и Парни. Разбирая стихотворение «Пророк», исследовательницы выводит, что, пожалуй, политеизм – самое точное определение позиции Пушкина в вопросах веры.

Аналогичный прием применен и в отношении Марины Цветаевой – только проанализирован соответственно ее славянский языческий пантеон. Участь Сивиллы, не понятой современниками, действительно была уготована Марине Ивановне.

Изящно и с большим тактом Иза Красикова сопоставляет тексты Библии, Корана, самого Пушкина и пушкинистов, как бы оправдывая литературоведчески столь шаткую, в моральном плане, позицию поэта. «Гений – это загадочно, высоко, необъяснимо, отстраненно. Но когда открывается нам нараспашку мятущаяся душа с такими же, как у нас, „человеков“, сомнениями, с таким же, иногда возникающим, непостоянством порывов, желаний, мы принимаем обладателя этой души как родное и понятное явление на свете, понимаем как самих себя».

Книга будет ценна в педагогической практике, потому что написана в ровном, благожелательном, «учительном» тоне.

Конечно, Пушкин, который «наше все», допускает любые толкования. Но он, вероятно, пришел бы в дурное расположение духа, если бы, прочитав работу, узнал, что, в отличие от Гершензона, Франка, Мережковского, Ходасевича и самой Цветаевой, исследовательница открыла в нем мало новенького.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

9. Когда говорят пушки
Коллектив авторов. Немеркнущая
слава: от воинов-интернационалистов
до миротворцев. – М: издательский
дом «Звонница-МГ», 2004. – 424 с., ил.

Из этой книги читатель получит достоверную информацию об участии наших советников, офицеров и солдат в национальных конфликтах и локальных войнах.

Более 30 вооруженных конфликтов ежегодно – такова реальная статистика конфликтности последних лет. После 1945 года локальные войны унесли жизни 30 миллионов человек. Изучение и обобщение опыта участия советских и российских войск в этих конфликтах и войнах, безусловно, имеет важное теоретическое и практическое значение. По сути, перед нами краткая история дипломатических и военных усилий страны по решению таких конфликтов. Экономическая помощь и поставки оружия воюющей стране, обучение ее военных специалистов на месте и в наших вузах, прямое военное вмешательство или только тактика сдерживания и демаршей – все это для России, как и для США, заканчивалось неизменно выводом войск из зоны конфликта. Корейская и вьетнамская войны, венгерский, чехословацкий, берлинский и кубинский кризисы протекали еще в рамках мировой системы социализма, когда во внешней политике многое определяла огромная и часто безвозмездная помощь «братским» государствам. Но и после развала СССР, когда региональные конфликты переместились на ее территорию, военный фактор оставался определяющим.

Авторам книги, военным историкам из министерства обороны при анализе событий удалось в большинстве случаев соблюсти объективный. Беспристрастный тон, хотя память об иных междоусобицах еще жива, а другие не урегулированы окончательно. Читатель получит также полное представление о сложном комплексе ближневосточных проблем, после провозглашения государства Израиль, и проблем, связанных с исламистским движением. Соблюдением российских интересов в том или ином районе мира и необходимостью продать старое и обкатать новое вооружение объяснимы многие ухищрения военных. Необходимо, однако, понимать, что таким парадоксальным образом часто достигаются цели развития и прогресса.

Книга вышла в рамках государственной «Программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы». В ней много прежде засекреченных фактов и документов, воспоминаний, фотографий.

Отдельные главы в труде военных историков посвящены роли ВМФ в разблокировании кризисных ситуаций и афганской войне, по отношению к участникам которой впервые был употреблен термин «воин-интернационалист». Конечно, об этой войне написано и сказано много, и все же, по-моему, очерк этой войны в книге выглядит чересчур сухим и сжатым.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

10. Искание правды

Омельченко В. М. Украинский пейзаж: Роман. – Харьков: Регион-информ, 2004. – 572 с.

«Украина – это корабль без руля и без ветрил. В открытом море, которое начинает штормить», – такое примерно впечатление навеивает публицистическая хроника Василия Омельченко, украинца по рождению, алтайца по впечатлениям юности, который с 60-х годов прочно связал свою судьбу с миллионным Харьковом.

«Жизнь настолько пестра и стремительна, что порой не успеешь сосредоточиться на предмете внимания, как он – уже унесенная ветром песчинка истории. Поэтому и хочется порой хотя бы просто зафиксировать ту или иную приметку быстротечного времени – частичку реальности». Эту задачу украинский прозаик, пишущий по-русски, похоже, выполнил. В книге представлены многие приметы истекшего десятилетия: ваучеризация, акционирование предприятий, широкое обнищание народа, даны портреты старых и новых руководителей – коммунистов, демократов, выразительно обрисовано нищенское существование творческой интеллигенции. Порой это стремление зафиксировать поток (главным образом, информационный) чересчур уж всерьез воплощено, из чего складывается ощущение неотобранности средств.

Рыночная экономика, как она отразилась в сознании писателя и на судьбах его сограждан, для среднего украинца – та же зона отчуждения вокруг АЭС: здесь всё не его, не ему принадлежит, заражено.

Можно поспорить со столь мрачно нарисованным, в тучах и ненастье, украинским пейзажем, тем более что тут же, как некий поплавок, через всю книгу проходит образ директора Харьковского завода «Проммэл» Владимира Диканя, вполне в духе реформ.

Скоро на Украине, справляющей уже десятилетие «незалежности», второй тур выборов президента. Кто захочет, может оценить эти реформы и нынешнюю жизнь. Вышло не специально, так сошлось: документ эпохи из-под пера Омельченко вполне сопоставим с предвыборными обещаниями кандидатов: по контрасту.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

11. Сплавать по главной реке, войти в настоящий лес

Одни считают, что человек получает душу неизменной и готовой, «запечатанным паке-том» при рождении, другие – что у человека все как у животных: обучение навыкам, взросление, опыт, духовность. И в этом смысле мне повезло, я доволен, что видел не 164-квартирный дом, и живописную лесную деревушку в шестьдесят дворов по берегам чистой одноименной речки. Нижняя Печеньга... Этимология темная, но с «печью» и «печеньем» вряд ли связанная. И суффиксы наши, северные, – «га» и «ма»: Тотьма, Камчуга, Сельменьга, Пиньга, Коченьга. А если к тотемским видам присоединить еще и тарногские – засеянные холмы по берегам реки Лохты (там была родина матери) – то общие впечатления куда с добром, почти отрадны.

В средней школе я был твердым середняком, а по литературе – так и вообще троечником. Самому до сих пор стыдно перед Галиной Васильевной Оленевой, когда классе в шестом (или в восьмом?) меня вдруг отчего-то понесло, и я в одном сочинении на свободную тему уподобил весеннее небо с его голубыми разводьями ледоходу на реке. Получил устное взыскание и множество волнистых учительских помет на полях школьной тетради. И отметку «см».

Конечно, если бы к тем юношеским настроениям да нынешние мозги, то я бы лучше поступил хоть в Тотемский лесотехнический техникум и служил теперь лесником или мастером где на пилораме. Потому что леса вокруг там повсеместно немеряно, и он великолепен. Но увы!.. После провальной попытки поступить в Ленинградский университет на факультет журналистики меня потянуло в Вологодский пединститут, на филологию: наверное, опять-таки из-за стремления позакывристее высказаться и все-таки быть понятым. Филологию в начале 70-х там преподавали хорошо, не скажу ничего худого, и учился я уже вполне осознанно и с интересом у таких людей, как О.В.Шайтанов, супруги Гура, А.А.Данилов и Г.В.Судаков. И студенческая компания вроде была подходящая, и было даже единомыслие, и идейные споры, и – не побоюсь худого слова – даже искания. Потому что в те же годы на тех же курсах учились известные ныне вологодские писатели А. Цыганов, В. Белков, М. Карачев, А. Драчев. (Вина и водки тоже было больше, чем следовало бы). И все же понят я был так же редко, а к волнистым линиям прибавились насмешки друзей и разносные рецензии из вологодских газет и московских журналов. Нет, определенно: весенние облака покрасивее, чем зимние, но все-таки на ледоход не похоже.

Так что учителем я не стал. Вологда, разумеется, прекрасный город. Но родился-то я от него все-таки в 250 километрах, а весной, летом и осенью в деревне даже и для студента много работы. До сих пор живы в памяти эти страшно утомительные и живописные поездки на теплоходах из Вологды в Тотьму и далее до нашей пристани (шоссе вдоль реки Сухоны тогда еще не было проложено). Тогда складывались первые рассказы, стихи, как раз из тех, юношеских, в которых выразительные средства бледны и беспомощны, а тебе самому кажется, что ты совершил подвиг.

Потом-то я все-таки получил диплом – в Литературном институте, и даже в Москве прожил 20 лет (жизнь селедки в косяке и с тем же мироощущением), но этого, вологодского времени, от рождения до середины семидесятых годов, почему-то особенно жаль: так оно

азартно и нерасчетливо растрчено. Но если вы хоть раз, перегнувшись через крашенные белые сетчатые ограждения на верхней палубе теплохода, наблюдали проплывающие мимо тихие берега с наклонными хмурыми елями и укромными, как зеленый грот, устьями ручьев и речек, если глиняные осыпи и серые двухэтажные северные избы видели, как они смотрят печальными окошками на воду, то вряд ли это забудете. Печаль и красивые пейзажи – они не способствуют бизнесу и даже вредят, а вот для поэтов очень благотворны.

Алексей ИВИН

(опубликовано в издании Вологодского землячества в Москве)

12. Опыт семи возрастов

Фридман М. В. Книга Иосифа. – М: КРУК-Престиж, 2005. – 408 с.

От Иосифа Аримафейского, которому позволено было похоронить Христа, ведет свое происхождение главный персонаж этой книги. Он, в свою очередь, представляя семь возрастов (малыш – отрок – юноша – воин – отец – дед – прадед), своей судьбой очерчивает путь страны, в которой живет. «Как быть с этой неотвязной еврейской судьбой в стране, разгромившей фашизм и заразившейся при этом смертоносными бактериями юдонавистничества?» – спрашивает отец. Истории скитаний и мучений еврея представлены с переменной убедительностью: постоянная переключка этих семи возрастов, их вечный семейный совет и статичные воспоминания, совершенно лишённые сюжетных ходов, затрудняют восприятие текста. Это скорее изложение, чем изображение, хотя в отдельных эпизодах (на тульской шахте, например) эффект достигается. Обиды от притеснений и страх унижения и физического насилия все время возвращают Иосифа к родовой памяти.

Этот текст – в чистом виде начетничество. Отношение к традициям, преданиям и обрядам может быть различным. Исконные черты, свойственные евреям и отраженные в этой книге, наверно, найдут отклик у части читателей. Но все-таки Вл. Жаботинский, например, делал это лучше.

«Книга Иосифа» посвящена памяти покойной дочери писателя Лидии Шульгиной и проиллюстрирована ее композициями и рисунками. Есть в книге и возвращение в землю обетования, и соответствующие библейские и евангельские эпизоды, и ссылки на Писание, и опасения холокоста, но ее жанр трудно определим, потому что на библейские, хотя бы и неканонические, сочинения это тоже не походит.

Но главное здесь, скорее всего, не это, а опыт – опыт души, пережившей возрастные превращения. А уж насколько он нам пригождается, это каждому решать самому.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете», с искажениями)

**13. Соприродный феномен
Геннадий Кругляков. Слушая
реки и травы: Избранное. – М.:
Общество дружбы и сотрудничества
с зарубежными странами, 2004. – 336 с.**

Весьма необычно построена эта итоговая книга поэта и прозаика, томича Геннадия Круглякова: страницы воспоминаний в ней чередуются с избранными стихами из первых сборников, затем стихи разливаются уже полноводно, а заканчивается книга теоретическими размышлениями о творчестве любимых поэтов – А. Твардовского, Г. Иванова. В. Бокова. «Судьбу творческой личности определяет географическая среда: почва, памятные с малолетства приметы и очертания местности, воздух, вода, вкус лесной ягоды», – сразу же определяет он. Это не что иное, как кредо. Потому что и самые удачные стихи, и самые трепетные, ясные, самые осязаемые в своей детскости воспоминания характеризуются именно такой конкретикой. Со страниц воспоминаний и стихов предстает очень заземленный, тонко чувствующий человек, который и сам радуется, и других заставляет радоваться всему натурному, безыскусному, совсем выпадающему из мира условности и литературы. В этой чистоте поэтического взгляда – особое достоинство манеры: так умели писать Аполлон Майков, Некрасов (если что любил), путешественники, восхищенные красотой земли. «Над рекой и равнинами/ Легкий дул ветерок./ Сено легкими вилами/ Подавал я на стог».

Судьба складывалась так, что Г. Круглякову приходилось много перемещаться с геологическими партиями, а из этой склонности к бродяжничеству родились уже и многие стихотворные строки, и опыт. В те знаменитые годы, когда шел спор «физиков» и «лириков», он больше склонялся к физикам. Эта книга – опыт именно «слушания» земли, природы, опыт кочевого образа жизни, когда статическая красота природы кажется сильнее деятельности людей. Как раз из тех мест, из Центральной Азии, автор вынес все основные впечатления. Неяркий этнографизм и ритмическое однообразие все же сильно мешают автору: важно ведь уметь не только слушать состояния Натуры, но и с вдохновением выразить их в слове. Думается, однако, что этот сборник – не последнее, что услышит и произнесет Геннадий Кругляков.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

14. Убитый за песню. По следам преступления Сидорина Н. К. Златоглавый. Тайны жизни и смерти Сергея Есенина. – Калининград, Янтарный сказ, 2005. – 320 с., ил.

Как хороший детектив, читается книга Наталии Сидориной. Недаром она вышла уже вторым. Расширенным изданием. В сущности, это и есть детектив – расследование обстоятельств, приведших поэта к гибели. Наталья Сидорина сосредотачивает свое внимание на биографических фактах, на тех людях, – родственниках, друзьях, – которые окружали и сопровождали поэта от рождения до смерти. Каждый шаг его судьбы исследован и проиллюстрирован фотографиями, мемуарными свидетельствами современников, особенно подробно с 20-х годов, когда после заокеанского путешествия с Дункан слава поэта возросла, а число завистников и недоброжелателей умножилось.

Четко разведены и в идейной полемике представлены два круга лиц, две силы, боровшиеся за душу поэта. С одной стороны, это имажинисты во главе с Мариенгофом, в большинстве – осведомители нарождающейся большевистской власти, «сатанисты», с другой – группа крестьянских поэтов (Н. Клюев. С. Клычков, А. Ганин, П. Орешин), в годы жирования купчиков и укрепления диктатуры пролетариата оказавшихся просто за бортом общественной жизни. Придерживаясь той версии, по которой С. Есенин, подвергшись гонениям и проработке, был в конце концов уничтожен агентами ОГПУ, Наталья Сидорина приводит новые фотодокументы и архивные материалы, подтверждающие эту точку зрения. Поэт не самоубийца, его убили. Особенно подробна и фактографична та часть книги, где рассказано о последних днях жизни, похоронах и закрытии очередного, последнего «дела» поэта – о самоубийстве. Но, как известно, Есенинский комитет Союза писателей, его Экспертная комиссия по выяснению обстоятельств смерти, созданная в июле 1989 года, вновь подтвердила официальную версию самоубийства.

Написанное горячо, с большой любовью к личности и творчеству Есенина, криминалистическое расследование Сидориной призывает глубже оценивать красоту его личности и мощь его таланта.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете», с искажениями)

15. Вояж, вояж!
Вальшонок З. М. Снег в Париже: Стихи,
поэма, венок сонетов/ предисл. д.ф.н.,
проф. В. Баранова. – М.: Соло, 2006. – 106 с.

Зиновий Вальшонок из тех поэтов, для которых важны эстетические величины, произведения человеческого духа. Поэма «семь чудес света» – прямо о них, семи чудах древней цивилизации. Хотя автор достаточно издавался, должной оценки его творчество не получило. Между тем, даже этот небольшой сборник, основу которого составили стихи, навеянные впечатлениями от Парижа, сильно воздействует на читателя. В стихотворениях «Месса в базилике Сакре-Кер», «Человек, проходящий сквозь стены» и других поэт достигает высокого ритмического мастерства, страсти, полета, того вдохновения, которое уже почти отдает шаманством. Посещая парижские достопримечательности, отмеченные творческим гением, Вальшонок не просто классицист, эстет, холодный ценитель, но и выразитель своих душевных антиномий.

В венке сонетов и заключительном триптихе памяти Б. Чичибабина автор бегло, но твердо, выпукло, рельефно вплетает факты своей биографии: «Не был чванным и богатым/слух не баловал елеем./ Не кропал стишата к датам, / юбилеям./ Чуждый светских разговорцев,/ вопреки вражде, наветам, / не был хлипким стихотворцем, / был Поэтом!» автор предисловия отмечает внутренний драматизм, искренность его поэзии, и это тоже правда. Надо сказать, что и сопровождали его по жизни люди его же склада – Тарковский, Самойлов, Антокольский, Щипачев.

«Сны о Париже» автор смотрел в феврале 2005, а книга вышла ровно через год. Не знаем, насколько удастся З. Вальшонку «прошибать стену лбом», чтобы достать и толстокожих торгашей, и имиджмейкеров (воздействие слова нынче сильно ослабело), но только для ценителей он и его лира безусловны. Так что очень были полезны для читателя прогулки Зиновия Вальшонка по Парижу.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

16. ВЧК глазами врага
Мельгунов С. П. Красный террор в России
(1918—1923). Чекистский Олимп/ предисл.
Ю.Н.Емельянова. – М: Айрис-Пресс,
2006. – 352 с., ил., портр. – /Белая Россия/

Публицист Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) был выслан из страны в 1922 году, а его знаменитая книга вскоре появилась двумя изданиями в Берлине. Как следует из авторского предисловия, его целью было «заставить мир понять и осознать ужас тех морей крови, которые затопили человеческое сознание».

Многие, в том числе основоположник социалистического реализма, сочли книгу лживой из-за обилия статистических данных об арестах, расстрелах, пытках, но особенность ее в том, что автор всякий раз ссылается на публикации в большевистских же газетах. В том числе в «Вестнике Ч. К.». Это потом, по завершении гражданской войны и «красного террора», подобные сведения понемногу исчезли из печати: репрессии приняли сталинскую форму. Последующие разоблачения Романа Гуля и диссидентов лишь дополняют и развивают картину. С.П.Мельгунов рассматривает самые ранние плоды деятельности чекистов – месть врагам революции за смерть Урицкого и покушение на Ленина. Большое впечатление производят рассказы о расправах после отступивших армий Деникина и Врангеля, о практике «заложничества» и о подавлении выступлений на Севере. Читатель может понять из книги, что завоевание власти не проходит бескровно, но всякий раз оборачивается ее дискредитацией. В дополнении к книге обрисованы не только первые вожди ЧК – Дзержинский, Менжинский, Ягода, но и самые ретивые исполнители пролетарской воли, запятнавшие себя массовыми убийствами.

Еще не выделены отдельно, как повелось потом, обиды интеллигентов на революцию, информация подается огулом; и лавочники, и взяточники, и белогвардейцы – все жертвы классовой борьбы и выметены из новой жизни как сор. С.П.Мельгунов оговаривается, что книга не отделана и поспешна, так что выводы из статистики каждый читатель делает сам, и вся общественность – тоже.

Издательство готовит или уже выпустило в свет другие книги «буржуазного» публициста.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

17. От Адама

Переварить такое количество фактов будет непросто даже привычному человеку. Фундаментальный труд Салима Фатыхова – это, собственно, «этнокультурная историческая ретроспектива и краткий анализ фактов, обрядов, легенд, обычаев и ритуалов», связанных с женщиной. Тематические энциклопедии, подобные этой, нередки в последние годы: они как бы подытоживают, суммируют опыт минувшего тысячелетия.

Свод сведений о женщине, от наскальных изображений до современного акушерства, объединен вроде бы концепцией: опекунство Матери-прародительницы помогло создать современную цивилизацию. Никто не спорит. Но, пожалуй, свое в этой большой книге – только авторские дневники и стихи, данные в приложении. Все же остальное – чистая компиляция. Между тем, если вы думаете, что это неинтересно, то заблуждаетесь: компиляции ведь тоже могут быть великолепными (взять хотя бы того же Диогена Лаэртского). Откуда бы мы узнавали сведения, не будь компиляций или, если хотите, учебников. Так что гений систематизации Салим Фатыхов нисколько не ошибся, издавая свой труд.

Но если с этой – фактографической – стороны все чисто, то с концептуальностью хуже. Потому что концепции, например. Дарвина после путешествия на «Бигле» или Миклухо-Маклая после посещения Новой Гвинеи и до сих пор выглядят весомее, чем авторские исследования узбекских пещер. Нужно, как говорится, чтобы количественные накопления переросли в качественные.

И все же написана книга на редкость хорошим языком (кто ясно мыслит, ясно излагает), и этим многое искупается. Ученый в тех пассажах, где, заступаясь за женщину, пытается оспорить Фрейда или, например, Шопенгауэра, возбуждает заметно больший интерес, чем там, где следует за унылой сенсационностью.

Да ведь и тема-то необъятная!

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете», с искажениями)

18. Крым как место отдыха
Андрей Мальгин. Русская Ривьера.
Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху
Империи. Конец ХУ111 – начало ХХ века. –
Симферополь, «Сонат», 2004. – 352 с., ил.

«Взглянув на статистику посещения Крыма российскими туристами за последнее десятилетие, мы увидим безрадостную картину постепенного уменьшения их притока. Если в начале 90-х годов их было свыше 70% относительно всей массы приезжающих в Крым на отдых, то к концу десятилетия эта цифра снизилась до 50%, а в начале нового века и вовсе упала до 30%. На крымских пляжах сегодня все меньше россиян...»

Книга Андрея Мальгина, историка, кандидата филологических наук, генерального директора Крымского республиканского краеведческого музея, призвана если не исправить, то хотя бы проанализировать – в историческом аспекте – состояние курортного дела в Крыму. Как историк, автор прослеживает его зарождение с первого посещения этих мест императрицей Екатериной II в 1787 году, возникновение и развитие Ялты, Евпатории, Симеиза, Гурзуфа, Феодосии, Балаклавы, их расцвет и упадок ко времени революции и гражданской войны. Как историка и некогда редактора журнала «Новый Крым. Курорты и отдых», его интересуют цены, первые дачи и дворцы, дороги и проводники, питание курортников и первые санатории, состояние пляжей и взаимоотношения отдыхающей публики с татарами и греками, местными жителями. Ход освоения Южного берега Крыма, пишет автор. «одна из самых захватывающих страниц в истории развития отечественной экономики, предпринимательства, и более широко – в летописи развития нашей цивилизации».

Судя по всему, это только первая часть исследования-путеводителя. Книга богато проиллюстрирована видовыми открытками начала ХХ века и цветными вклейками итальянских художников тех лет Карло Боссоли и Луиджи Премацци.

Хотя Крым нынче вроде как не наш, в своей истории он переживал всякое: войны, разруху, возрождение. О первом расцвете, пришедшемся на вторую половину XIX века, читатели узнают из этой книги, о втором – в эпоху развитого социализма – Бог даст, скоро узнаем от автора.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

19. Через обиду и слезы

Артур Болен. Дитя во времени: Роман. – СПб., «Родные просторы». 2004. – 408 с.

Пока воздержимся хвалить автора. Десятки имен, от Шелер-Михайлова и Сэлинджера до Лимонова, произвольно всплывают в памяти, когда читаешь роман. А это плохой симптом, симптом ученичества. Но и эти имена предстают сияющими вершинами по мере углубления в «текст». Ладно, думаешь, вот и Томас Вульф страшно многословен, но ведь какой напор! И Борис Виан жесток, но ведь как умеет закрутить! И мало-помалу перестаешь находить оправдание тому, что выдал Артур Болен под вывеской «последнего романа о любви». Все-таки для прозы важно не просто наваливать слова, а сопрягать их с интересом действия, сюжета. Теперь же, когда стало возможно наговаривать романы на диктофон, набивать на компьютерные дискеты, издавать за свой счет и. что называется, в собственной редакции, иные авторы утратили ответственность за слово, а подчас и простой самоотчет.

Но, может быть, текст нарочно так организован? Через сплошной молодежный стеб (кстати, сильно осовремененный), через узкие, внутригрупповые тусовочные интересы питерских старшеклассников времен застоя? Может быть. Но в таком случае прием следовало подчеркнуть.

Пока что бесконечные короткосложные диалоги, обжиманья, танцульки и выпивки, как они описаны, производят впечатление стереотипичности. Поступков-то ведь нет; чувственные позывы, и те не в силах состояться. После этой странной толкотни на сотнях страниц автор просто-напросто использует одну из ранее заявленных версий своего же романа: у героя умирает девушка. В 17 лет. В заключительных сценах, когда герой теряет ее и уходит наконец со своей арены – одной-единственной улицы Народной – прочь от цивилизации в лес и в поле, автор достигает определенного (давножданного) эффекта воздействия. Через обиду и слезы он забывает об Артуре Болене, увидев себя не только в зеркале своих сверстников, но и в природе, в одиночестве. Тут, наконец, виден некий выход из круговращения запертой сексуальности и спонтанного остроумничанья. Но идти к такому воздействию так долго... согласится ли читатель? Разве только молодой, который найдет здесь массу прикольных словечек в полном соответствии с тем, как говорят.

Вместе с тем общее воздействие книги серьезнее, чем у остросюжетной прозы, к которой я вроде бы склоняю А. Болену. Так что можно констатировать: роман вызвал неоднозначное отношение и дискуссии.

А. ИВИН

(Рецензия подготовлена для «Литературной газеты», не опубликована)

20. На русской службе

Эстонские российские писатели Вл. Илляшевич и М. Гайнуллин предприняли у себя в Таллине историко-генеалогическое издание по типу популярных до революции выпусков журнала «Русская старина»: с обзорными очерками прибалтийской дипломатии от основания Юрьева Ярославом Мудрым до 1917 года, с подробными биографическими и родовыми портретами дипломатов. Эти выдающиеся люди, от известного несчастного перебежчика и авантюриста Паткуля до первого наркома иностранных дел СССР Г.В.Чичерина, по происхождению были связаны с известными остзейскими родами и, привлеченные на государственную службу российскими императорами, оказали заметное влияние на европейскую политику. Наследственные браки между русскими и немецкими монархами способствовали тому, что, оказавшись на пересечении их интересов, прибалтийские дворяне охотно служили и тем, и другим. Русские цари ценили такие качества прибалтийских дворян, как исполнительность, аккуратность, честность; вступая на русскую службу, те нередко оказывались даже большими патриотами, чем русские аристократы, не желавшие служить. Особенно сильно было влияние выходцев из Прибалтики при Бироне и Екатерине II.

Оказывается, как бы кто сейчас не говорил обратное, – российская корона заботилась, поощряла наградами, поместьями, титулами выдвиженцев из балтийских стран; многие из них были послами в европейских столицах, а иные, например, Н. П. Румянцев и А. М. Горчаков, государственными канцлерами. Судьба почти каждого из них достойна отдельной книги, а Будберги, Стакельберги и Палены дали целое созвездие посланников.

В сжатом виде, с привлечением дипломатической переписки, в книге дан по сути исторический обзор европейской дипломатии всего дома Романовых. Материал, конечно, обширный, и, безусловно, очень интересный. Досадно, что представлен он все же с упущениями (например, нет отдельного очерка о министре иностранных дел В. Н. Ламздорфе). Тем не менее, книгу можно считать удавшейся. Становится очевидно, насколько прочны и неразрывны были связи балтийских государств с Россией. И становится также очевидно, что из-за размежевания и объявления независимости мало что изменилось коренным образом: привлечение на службу по-прежнему идет, и это процесс взаимообразный.

Особенность этого издания проясняется еще и тем обстоятельством, что оба автора являются членами Европейского общества генеалогии и геральдики в Эстонии. Книге сопутствует обширный справочный материал.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

21. Не сдавайтесь в плен!
Тютюнник С. П. 12 пуль из чеченской
обоймы. – М.: Время, 2005. –
192 с. – (документальный роман).

Жанр четвертой книги полковника Сергея Тютюнника – это скорее мозаика из личных и семейных воспоминаний о войнах, собрание статистических данных и журналистских исследований, анекдотов и действительных происшествий из солдатской и офицерской жизни на войне. Эти человеческие «документы» расположены по 12 разделам. Участник военных действий в Афганистане, Абхазии, Дагестане и двух кампаний в Чечне, автор знает, о чем пишет, он опытен. Недаром же он то и дело ссылается на «Опыты» Монтеня, на книги древних историков Ксенофонта, Геродота, на новые военные фильмы и новых военных писателей от Лермонтова до Шолохова. Эта подкрепительная аргументация делает свежий опыт уже как бы историческим.

Как веруют на войне, как пьют, любят, награждают, кормят, грабят, празднуют, развлекаются – обо всем этом, хоть и бегло, из очерков, можно узнать по книге Тютюнника. Любопытно, что автор ныне возглавляет газету Северо-Кавказского военного округа, в котором некогда начинал Бабель. Написанная неровно, но с большим душевным подъемом в начальных главах и в последних, книга призывает читателя не сдаваться в плен ни на войне, ни в гражданском обществе, бороться, сохранять мужество и оптимизм.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

22. Зато мы делали ракеты
Феоктистов К. П. Зато мы делали
ракеты: Воспоминания и размышления
космонавта-исследователя. – М.:
Время, 2005. – 288 с. – (Серия «Диалог»).

Вот уже и на космические исследования можно взглянуть исторически. Инженер-конструктор космических аппаратов и космонавт Константин Петрович Феоктистов проследит развитие ракетостроения от первых испытаний ракет ФАУ-2 и Р7. Сразу после войны до современных орбитальных МКС как человек, который сам их строил. То есть с полным знанием дела. Ранним – детским, юношеским воспоминаниям – уделено не много места, зато работе в КБ Королева, тому, как создавались корабли «Восток», «Восход», «Союз» и «Салют», какие возникали трудности при их разработке и испытании, – об этом один из первых космонавтов и бортинженер рассказывает без всякого снисхождения к читательской некомпетентности. Книга, в которой так много внимания уделено технической стороне космонавтики, читается поэтому трудно, зато погружает читателя в мир людей, увлеченных великим делом.

В оценках и характеристиках сослуживцев, конструкторов, летчиков-космонавтов, государственных чиновников автор почти всегда лоялен, мягок, но от этого портреты Королева, Тихонравова, Устинова, Гагарина не теряют своей выразительности. Много было бюрократических препон, показухи, волюнтаризма, инженерных просчетов, которые могли обернуться трагедией при пилотировании, но «зато мы делали ракеты». И сами испытывали их (полет К.П.Феоктистова вместе с Комаровым и Егоровым состоялся в октябре 1964 года). В случае успеха окупались усилия сотен людей, достижения инженерной мысли. Шаг за шагом, методично, системно автор проследит формирование и развитие отечественной космонавтики, а в последних главах сопоставляет с американским способом космических исследований.

Замечательная особенность этой книги еще и в том, что нигде не высказано разочарование в избранной профессии и в коллективном способе воплощения идей. И это действительно так: личные устремления не могут быть реализованы иначе, чем в дружбе и сотрудничестве. «Быстрое развитие наших космических работ определялось и естественным честолюбием, и тщеславным стремлением доказать, что мы можем первыми, раньше американцев и всех других, проникнуть в новый неизведанный мир», заключает автор.

Книга проиллюстрирована несколькими фотографиями и, думается, найдет распространение среди романтиков и практиков космоса.

А. ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

23. Типовой портрет

Алексей Абакшин. Сны на темной стороне Земли. – Александров, 2008. – 207 с. – тир. 700 экз.

Совсем перестал обожать Абакшина, как это было еще пять лет назад, когда впервые услышал его песни. Возможно, сказывается разница в возрасте. Возможно, беспокоит чувство дежа-вю. Многие нынешние 70-летние оказались изгнанниками, нас, 50-летних, страна переварила не подавившись и вот-вот извергнет, а они, 40-летние, безобразно нацелены на успех, гламур и масскульт. Ведь вот уверен, что Абакшин, когда писал одноименную повесть «Сны на темной стороне Земли», не читал ранних – молодежных – повестей Гладилина, Аксенова, Войновича, поэтому написал почти то же, но через 50 лет и на другом материале. Но согласитесь, что такое наследование – по духу, по основной проблематике, – все же лучше, нежели прямой гламур: когда книги пишут о представителях (топ-моделях, гонщиках «Феррари»), а они замечательны лишь узко прикладным интересом: либо хорошо одета, либо мельтешит на телеэкранах, либо в авторалли рискует.

Абакшин – тоже представитель, но он представляет поколение нынешних 40-летних изнутри. «Дети перестройки» почти все затронуты афганской и чеченской войнами и западной рок-культурой, и это закономерно отражается в их собственном творчестве. Мы свое время тоже потихоньку напевали из битлов, исподтишка, но в конце 80-х годов англоязычная попса ворвалась в нашу жизнь в чудовищном объеме (как, впрочем, и литература тоже). И Абакшин в своей повести это явление типизирует в образе студента Астапова. Раньше были «звездные мальчики», а теперь вот рок-музыкант. Ему чего делать, если КПСС уже бессильна, а бизнес-решения еще не внедрены? Увлечься песнями протеста и борьбы. Он так и поступает, потому что он человек честный и страдающий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.